

Д. и. н.,
гл. н. с. СОИГСИ
В.Д. Дзидзоев

Геополитическое противостояние на Кавказе в конце XX – нач. XXI в. (историко-политологическое исследование проблемы)

В.Д. Дзидзоев

Кавказ представляет собой огромный многонациональный, многоконфессиональный, специфический регион, где сошлись интересы многих ведущих государств мира. На Кавказе веками живут десятки больших и малых народов, многие из которых имеют друг к другу претензии территориального характера. Не будет преувеличением утверждение о том, что Кавказ является особым регионом со своим неповторимым обликом, своими сложными противоречиями, взрывоопасностью и спецификой.

Напомним, что в политическом и географическом отношении Кавказ разделен на две части: Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации, а Закавказье состоит из Армении, Азербайджана и Грузии, которые с начала 90-х годов XX в. являются независимыми государствами. Следует обратить внимание и на то, что с Кавказом связано и Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края). Весь этот многонациональный и многоконфессиональный регион играет особую роль не только в судьбе Российской Федерации, но и в жизни многих других стран и народов.

В данной статье предпринимается попытка историко-политологического анализа географических, политических и исторических особенностей Северного Кавказа, которые определяют специфику геополитического положения сложнейшего региона Российской Федерации.

Следует иметь в виду, что история народов Северного Кавказа характеризовалась геополитическими тенденциями социально-политической жизни.

Во-первых, политикой дооктябрьской России, препятствовавшей созданию на Северном Кавказе автономных национально-государственных образований кабардинцев, осетин, чеченцев, других северокавказских народов.

Во-вторых, созданием за годы советской власти иерархической системы национально-государственного устройства, которая усилила этногрупповую конкуренцию.

В-третьих, стремлением к созданию мононациональных форм государственного устройства, попытка-

ми освободиться от влияния федерального центра, вплоть до выхода из состава Российской Федерации в 90-е годы XX века (яркий пример тому Чечня), и т.д.

Эти тенденции вызваны действием определенных факторов, среди которых, к примеру, можно выделить географическое положение Северного Кавказа, которое во все времена современной истории и политики определяло геополитический статус региона. Северный Кавказ испытал на себе влияние разных религий, азиатских и европейских цивилизационных течений, соперничество разных государств (России, Турции, Ирана, Великобритании и т.д.). Геополитическое влияние в современном мире в силу целого ряда объективных причин будет и дальше возрастать. Прежнее глобальное противостояние Запада с Востоком постоянно сменяется противостоянием Запада с Востоком постоянно сменяется противостоянием Севера и Юга. А это приведет к тому, что Северный Кавказ может оказаться в центре внимания ведущих мировых держав, что приведет к новому витку дестабилизации в регионе.

В истории и судьбе России национальный вопрос всегда играл огромную роль. Проблема межнациональных отношений всегда выступала «острой головной болью» для руководства России. Данная аксиома особенно актуальна для нынешней Российской Федерации, которая 15 лет отчаянно борется за установление межнационального согласия на Северном Кавказе. Нет сомнений в том, что РФ заинтересована в межнациональном благополучии не только на Северном Кавказе, но и в создании пояса миролюбивых, дружелюбных государств в Закавказье (Азербайджан, Армения и Грузия). Москва, конечно же, заинтересована в том, чтобы в государствах Закавказья не было общественно-политической напряженности, межнациональных, межконфессиональных конфликтов и войн. Некоторые межнациональные конфликты и очаги общественно-политической напряженности в республиках Северного Кавказа, на мой взгляд, имеют определенную взаимосвязь с грузино-осетинским (1989–1992 гг.), грузино-абхазским (1992–1993 гг.) и армяно-азербайджанским («карабахским») (1988–1991 гг.) конфликтами и войнами.

Обращаю внимание на то, что в государствах Закавказья проживают сотни тысяч этнических лезгин, аварцев, осетин, других малочисленных народов, основная часть которых составляет титульные нации республик Северного Кавказа. Притеснения и гонения, скажем, осетин в Южной Осетии, абхазов (этнические родственники которых – кабардинцы, черкесы и адыгейцы – живут на Северном Кавказе) в Абхазии или лезгин и аварцев в Азербайджане всегда будут эхом отзываться в республиках Северного Кавказа, а значит – и в Российской Федерации.

Важное значение имеет надежность и защищенность границ между государствами Закавказья и Россией. В силу различных причин Грузия не в состоянии обеспечить порядок на своих границах, что на протяжении многих лет негативно сказывается на российско-грузинских взаимоотношениях.

Говоря о национальных интересах РФ на Кавказе, следует особо сказать о Чечне, где фактически уже 15 лет продолжается конфликт мятежной республики с федеральным центром. Этот конфликт больше напоминает войну, со всеми негативными последствиями не только для чеченцев и русских, но и других народов региона. Военно-политические, межнациональные события в Чечне стали настоящей трагедией не только для чеченцев, но и для русскоязычного населения этой республики. Сотни тысяч русских и других нетитульных народов Чечни («русскоязычных») покинули мятежную республику, хотя для них она была родиной 4–5 предшествующих поколений. Оставшиеся там русские и русскоязычные находятся в тяжелейшем и унижительном положении.

Национальным интересам России не отвечает нерешенность еще одной важной проблемы – постепенный исход русских и русскоязычных из других республик Северного Кавказа. Исход русскоязычного населения из республик имеет не только политические причины, но и экономические. Русскоязычное население было занято в основном на заводах и фабриках Северного Кавказа. Сейчас большинство из этих предприятий свернуло свою производственную деятельность, местами – полностью. Деятельность некоторых экстремистски настроенных политических лидеров, угроза безработицы, нестабильность общественно-политической обстановки, межнациональная напряженность и многие другие негативные явления выталкивают русских и их семьи из республик Северного Кавказа.

Следует обратить особое внимание на вовлеченность русского населения в различные кризисные явления в республиках Северного Кавказа (например, в сфере экономики, межэтнических отношений и т.д.). Это весьма негативно сказывается на состоянии и перспективах русского и русскоязычного населения региона. Оно больше страдает от последствий переходных процессов в экономике.

Еще одна серьезная проблема, думается, состоит в том, что Северный Кавказ оказался вовлеченным в масштабные межнациональные и политические противоречия, возникшие с начала 90-х годов в отношениях между новыми независимыми государствами Закавказья и Россией. В силу различных причин возросла активность на Кавказе традиционных геополитических соперников России (Турции, Ирана и др.), которые претендуют на роль региональных геополитических лидеров. Соперники РФ на Кавказе, преследуя свои геополитические интересы, часто выступают в роли «защитников» мусульманских народов. К этому добавим, что, кроме Турции и Ирана, есть немало государств, стремящихся закрепить свое влияние на Северном Кавказе (например, Саудовская Аравия). В регионе продолжается расхождение двух культурных пластов – русского, православного, и северокавказского, в основном мусульманского, что приводит к большим корректировкам в общественно-политической и духовно-нравственной жизни региона. Мусульманское население вовлекается в естественный для них восточный культурный пласт, включается в сферу влияния традиционных центров мусульманской культуры.

Особую актуальность приобретает проблема территориальных притязаний народов Кавказа друг к другу. В XX веке на Северном Кавказе было более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождает другую. Изменения в этнотерриториальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований).

Развитие социально-политических отношений зависит от многих факторов, но главным является состояние экономики республики, области, края, в целом государства. Состояние экономики на Северном Кавказе во многом детерминирует направленность развития социально-политических отношений, усиливает напряженность в межнациональных отношениях. В последние годы в республиках Северного Кавказа (например, в КЧР, РИ и т.д.) ухудшение экономического состояния приводит к обострению социально-политической обстановки, межнациональному противостоянию.

Важнейшей проблемой представляется и то, что на Северном Кавказе после разрушения прежних налаженных межреспубликанских и межрегиональных связей в 90-е годы XX в. начался процесс регионогенеза, в основе которого лежат потребности в кооперации и интеграции. Сегодня уже не вызывает сомнений необходимость усиления объективных процессов регионогенеза. Это в интересах стабильного развития республик Северного Кавказа и национальных интересов РФ на Кавказе. Следует обратить особое внимание на некоторые объективные факторы, которые усиливают геополитические тенденции в социально-политических процессах на Северном Кавказе. Среди них можно выде-

лить следующие: 1) социально-политические процессы в регионе включены в общероссийские и даже мировые процессы. Это в свою очередь объективно будет приводить к глубокой интеграции в экономической, социальной и культурной жизни; 2) необходимо иметь в виду историю, культуру, особенности и специфику каждого северокавказского народа. История и судьба каждого из них является индивидуально-особенной. Однако в силу целого ряда объективных причин невозможно рассматривать историю любого из народов Северного Кавказа вне тесной взаимосвязи с другими народами Северного Кавказа; 3) автохтонные народы Северного Кавказа (кроме 80 % осетин) связывают свой цивилизационный генезис с исламским миром, арабо-тюркской культурой. Они пытаются определить перспективы развития национальных культур и политических структур республик, исходя из исламской традиции.

Следует иметь в виду и сложность конфессиональной структуры Северного Кавказа, которая оказывает влияние на общественно-политическую жизнь региона. С конца 80-х годов на Северном Кавказе наблюдается религиозный ренессанс, который более активно, судя по всему, протекает среди мусульманских народов. Объясняется это несколькими причинами, которые сводятся к следующему. Во-первых, в СССР религиозная деятельность была сокращена до минимума. В аулах и селах Северного Кавказа было мало мечетей. К тому же часть из них представляла собой непригодные здания с недостаточной мусульманской атрибутикой и неподготовленным духовенством. Во-вторых, жизнь исламских народов отличается от жизни христианских народов. Ислам, в отличие от христианства, представляет собой не только религию, но и образ жизни. С конца 80-х годов XX в. у чеченцев, ингушей, народов Дагестана, карачаевцев, кабардинцев, других мусульманских народов наблюдается религиозное возрождение более активное, чем у русских и значительной части осетин, которые исповедуют христианство.

В 90-е годы на Кавказе созданы общественно-политические условия, при которых роль ислама заметно возросла. В последние годы ислам здесь стал одним из факторов, «определяющих геополитическое положение во всем южном направлении внешнеполитической стратегии России» [1]. Уникальность Кавказа состоит в том, что здесь немало народов, в том числе и малочисленных, исповедуют две религии. Например, осетины исповедуют христианство и ислам. Кабардинцы – ислам и христианство («моздокские кабардинцы»), грузины – христианство и ислам (аджарцы). Абхазы по религиозному принципу тоже делятся на две части – мусульманскую и христианскую. При этом следует иметь в виду, что в последние годы, в силу целого ряда причин, ислам для многих абхазов становится более привлекательным, и он задает тон в дискуссиях о перспективах этого непризнанного суверенного государства

на Кавказе. Малочисленные удины, принадлежащие к лезгинской этнолингвистической группе, исповедуют и христианство, и ислам. При этом большая часть удин придерживается суннитской версии ислама, а меньшая – шиитской.

Анализируя общественно-политическое положение Северного Кавказа, нужно иметь в виду, что Российская Федерация с конца 80-х годов XX в. постепенно оказалась вовлеченной в геополитическое противостояние с международным исламом. Так, например, лидеры и идеологи «независимой» Чечни открыто провозгласили вооруженную борьбу с русскими и Россией, сравнивая их с сатаной. Известный чеченский теолог Дени Баксан даже обосновал «священную войну» чеченцев с неверными, т.е. с Россией. «Сколько мы наблюдаем вокруг себя людей, – пишет он, – о которых Великий Коран говорит: «Ведь не слепы взоры, а слепы сердца, которые в груди» (Сура «Хадж», аят 46). Поистине слепота сердец ведет людей к гибели и эти люди тянут за собой весь мир! Имеем ли мы право оставаться безучастными зрителями торжества безумцев, больных вырождков? Нет! Всемогущий Аллах завещал нам усилие, джихад по очищению мира от сатанизма и только этим усилием обусловил наше право называть себя мусульманами» [2]. Продолжая разжигать межнациональную и межконфессиональную рознь и фактически призывая к войне с Россией, Дени Баксан подчеркивает: «Мы имеем все основания ставить знак равенства между сатанизмом и русизмом... Поэтому мы и говорим, что политика России по отношению к Чечне есть сатанизм, ибо этой политике не на что опереться, кроме раздутого имперского чванства, насилия и грубой лжи» [2, с. 239].

По логике Д.Баксана получается, что в национальной политике нынешней Российской Федерации «по отношению к Чечне» нет ничего, «кроме раздутого имперского чванства, насилия и грубой лжи». В таких утверждениях больше некомпетентности, эмоций, агрессивного настроения, воинственной риторики и русофобии. Объективный анализ национальной политики РФ свидетельствует о том, что именно с начала 90-х годов XX в. (когда Чеченская Республика Ичкерия провозгласила свой суверенитет, т.е. выход из состава Российской Федерации) Москва проводила наиболее лояльную и супердемократическую линию во взаимоотношениях народов, федерального центра и республик. Напомним, что именно в 90-е годы некоторые национальные области (например, Адыгея, Карачаево-Черкесия и др.) были преобразованы в республики. В ряду новых российских республик следует назвать и Республику Ингушетия, где титульный народ – ингуши являются ближайшими этническими родственниками чеченцев. Эти и многие другие бесспорные позитивные факты, конечно же, свидетельствуют о том, что Дени Баксан руководствуется больше эмоциями и выдает желаемое за правду.

Другой известный государственный деятель Чеченской Республики – Ичкерия, один из идеологов «независимости» чеченского народа, теолог Хож-Ахмед Нухаев считает российские законы и государство в целом (в том числе не только российское государство, но и чеченское) врагом чеченской нации. И наоборот, ислам он считает единственным и самым верным средством возрождения и процветания чеченцев. «Неужели нам до сих пор нужно растолковывать очевидную, как Божий свет, истину: что войну с Россией вело не чеченское государство (Чеченская Республика – Ичкерия. – **В.Дз.**), а чеченская нация, что гарантом нашей независимости (выхода из состава России. – **В.Дз.**) является не государство, а наш традиционный народ, свод его обычаев и нравственные архетипы, проистекающие из Божьего заповедания, то есть все, что можно назвать одним словом – религия. Но тогда зачем нам с таким рвением создавать систему, которая при первом же серьезном испытании лопается, как мыльный пузырь, и которая, как мы все видим, не может обеспечить у нас элементарного порядка. И никогда не сможет, потому что чеченцы никогда не подчинятся грубому диктату надуманных законов, а покорятся лишь тем устоям, которые наше национальное сознание воспринимает как предписанные Аллахом» [3]. Как видим, автор утверждает, что государственная система или государственное устройство чеченского народа в форме Чеченкой Республики – Ичкерия «не может обеспечить элементарного порядка». Вывод, на мой взгляд, весьма спорный и малоубедительный. Конечно, даже в развитых государствах мира можно найти немало недостатков, особенно с точки зрения идеала. Однако в современном мире очень трудно представить идеальное человеческое общество, в том числе и чеченское, без государственной системы, законов, обязательных для соблюдения всеми членами общества. Традиционалистская доктрина, предлагаемая Х.-А. Нухаевым как единственный спасительный выход для чеченцев и других народов из «смертельно опасного для человечества состояния», представляется сомнительной. «Национальный аспект неотделим от аспекта религии, – утверждает Х.-А. Нухаев, – так как только вера дает нации нравственную полноценность и лежит в основе ее традиционных законов. Государство – враг Ислама, ибо дробит нацию и союз наций – единую умму¹ Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), разрывает ее своими границами, таможами, визами и прочими выдумками из арсенала Сатаны» [3, с. 98–99]. Конечно, Х.-А. Нухаев прав в том, что многие народы, в том числе и на Кавказе, оказались разделенными государственными границами. Среди них русские, осетины, армяне, лезгины, азербайджанцы и т.д. В то же время человечество в межгосударственных и межнацио-

нальных отношениях не придумало пока ничего более эффективного и надежного (в плане сохранения порядка, дисциплины, национальной безопасности и т.д.), чем границы, таможи, визы и т.д. Трудно согласиться с тем, что все это выдумки «из арсенала Сатаны». Как видим, в политической риторике Дени Баксана и Хож-Ахмеда Нухаева не случайно встречается и «Сатана», и «сатанисты». Оба они мечтают об изменении мира и развивают идею расширения геополитического пространства ислама. Д. Баксан пишет: «Мы (чеченцы. – **В.Дз.**) выходим из тени великих держав, на нас обращает внимание весь мир. Настала пора изменений и переустройства» [2, с. 5]. Добавим от себя, что речь идет об изменении и переустройстве в соответствии с задачами и целями геополитики ислама на Кавказе. Д. Баксан со ссылкой на Коран восклицает: «Да погибнет народ неправедный!» (Сура «Верующие», аят 44) [2, с. 5]. Не менее откровенен и Х.-А.Нухаев, отрицающий любую государственную систему и государственные законы, но мечтающий о создании Кавказского общего рынка, который охватит Черноморско-Каспийский регион. «Философия Кавказского общего рынка такова, – утверждает Х.-А.Нухаев, – что сами кавказцы должны контролировать свой регион (читай: без России. – **В.Дз.**), сделав его центром интеграции и сотрудничества по двум линиям геостратегического пересечения: Север–Юг и Запад–Восток. Кавказ, как стык земель, должен стать «крестовиной» международного сотрудничества. Это качество я обозначил чеченским словосочетанием «Лат-ийн-лам», имеющим множество смысловых значений: «гора, соединяющая земли», «шов земли», «объединение народов» и так далее» [3, с. 99]. Здесь корень проблемы состоит, как мне кажется, не в смысловом значении «Лат-ийн-лама», а в его политической подоплеке. Х.-А. Нухаев, который пишет о «победе Чечни над Россией», имеет в виду не просто «шов земли» или «объединение народов», а, на мой взгляд, излагает таким образом геополитическую теорию и практику ислама на Кавказе. Чеченский теолог «не видит» Россию и русских в Кавказском общем рынке. Требование того, чтобы сами кавказцы «контролировали свой регион», иными словами означает отделение Северного Кавказа (Закавказье уже отделилось) от России. Далее Х.-А.Нухаев пишет: «Кавказ, объединивший на своей древней земле множество народов, рас и религий, представляется уменьшенной моделью всей Евразии, а не только ее естественным центром. Именно поэтому кавказцы могут и должны продемонстрировать всему человечеству образец уммы, истинной Организации Объединенных Наций, в противовес той изживающей себя фикции под названием ООН, в которой все вопросы планетарного масштаба решают «полюбовно» несколько державных государств» [3, с. 99].

¹Умма – религиозная общность арабов, превратившаяся по мере распространения ислама в общность всех мусульман.

Следует обратить особое внимание на то, что с конца 80-х годов XX в. на Северном Кавказе планомерно проводится комплекс различных больших и малых мероприятий по превращению многонационального и многоконфессионального региона в плацдарм геополитической экспансии ислама на территории Российской Федерации. Напомним, что в РФ насчитывается до 15 млн мусульман, что примерно составляет 1/10 часть населения страны. С начала 90-х годов на Северном Кавказе все автохтонные народы, включая небольшую часть осетин (около 20 %), стали проявлять особую тягу к исламу и податливость к веяниям, исходящим из мусульманского мира. Становится все более очевидным втягивание республик Северного Кавказа в орбиту геополитики ислама на Кавказе. В такой обстановке не вызывает сомнений необходимость скорейшей выработки и проведения особой политики Российской Федерации в отношении с мусульманским миром. Такая политика Москвы станет важнейшей составной частью безопасности Российской Федерации на юге страны.

Нельзя забывать, что ислам представляет собой вторую по численности последователей мировую религию. В мире насчитывается до 1,5 млрд мусульман, которые составляют большинство населения в 48 странах. Во многих странах быстро растет численность мусульман. На Кавказе представлены два основных течения ислама – суннизм и шиизм. Здесь уживаются мирные мусульмане и исламские экстремисты. В республиках Северного Кавказа ислам нередко используется как основополагающий стержень национальной идеологии, местного патриотизма, всплеска национального самосознания и т.д. Национальное возрождение через призму исламских ценностей стало частью мирозерцания чеченцев, ингушей, карачаевцев, народов Дагестана, других автохтонных народов Северного Кавказа, частью их культуры, национальной психологии, менталитета и образа жизни. Невозможно провести четкую грань между религиозными и национальными особенностями, например, чеченцев, ингушей, карачаевцев, других народов региона. Особенно трудно провести эту грань у тех народов, которые исповедуют разного рода фундаменталистские течения ислама. Необходимо также иметь в виду, что геополитические планы исламистов превратили не только Чеченскую Республику – Ичкерия, но и некоторые другие республики региона (например, Карачаево-Черкесию) в опасную зону Российской Федерации. В Карачаево-Черкесской Республике ваххабитско-экстремистское объединение «Джамаат» готовило вооруженный захват влас-

ти. Руководители «Джамаата» занимались антигосударственной деятельностью и вынашивали идею создания мусульманского государства на территории этой северокавказской республики. Финансирование террористов шло из-за рубежа, хотя они и сами зарабатывали, практикуя захват заложников из богатых семей с целью получения выкупа [4].

По переписи 1989 г. в Российской Федерации мусульман было около 12 млн человек, а в 1999 году – 13,17 млн, или 9 % населения страны [5]. Из них 5 821 тыс. татар, 1 473 тыс. башкир, 1 085 тыс. чеченцев, 262 тыс. ингушей, 2 120 тыс. дагестанцев, 910 тыс. представителей других народов Северного Кавказа (кроме основной части осетин), 463 тыс. азербайджанцев, 691 тыс. казахов и 0,25 млн представителей бывших среднеазиатских республик [5]. Следует отметить, что значительная часть российских мусульман не являются ортодоксальными (такие должны молиться 5 раз в день). Тем не менее, в силу известных причин, на Северном Кавказе заметно возрождается интерес к исламу (справедливости ради отметим и рост интереса к христианству у христианских народов региона). Растет число мулл, а книжные магазины переполнены литературой, посвященной различным вопросам ислама, его истории и духовно-нравственным канонам. С каждым годом увеличивается число желающих совершить хадж в святые места. В одном только Дагестане число мечетей возросло с 27 в 1998 г. до 2100 мечетей в 2002 г.² Из них более тысячи джума-мечетей, т.е. соборных или главных мечетей населенного пункта. Это намного больше, чем было до 1917 г. В этой связи напомним, что по данным ежегодных обзоров Дагестанской области, в 1902 г. здесь насчитывалось 644 примечетские школы, в которых обучался 5581 учащийся, в 1905 г. – 833 школы с 5555 учащимися, в 1911 г. – 631 школа, 5790 учащихся и в 1913 г. – 766 школ, 6727 учащихся [6]. Общее число мечетей в Дагестане в начале XX в. составляло 1702. По численности примечетских школ и обучавшихся в них детей Дагестан заметно превосходил другие мусульманские районы Северного Кавказа и фактически выполнял роль кузницы кадров духовенства для всего Кавказа.

Анализируя общественно-политическую ситуацию, межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане, в целом на Северном Кавказе, необходимо, на мой взгляд, обратить особое внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, Дагестан был и остается колыбелью ислама на территории Российской Федерации. В этой северокавказской республике традиционно уживаются три мировые религии: ислам (его

²В современной литературе, посвященной религиозному состоянию Дагестана, указываются разные цифры численности мечетей в республике. Так, например, религиовед, сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, кандидат исторических наук Э.Ф. Кисриев указывает, что «на конец 1998 г. в республике функционирует около 2 тыс. мечетей» (Кисриев Э.Ф. Ислам в общественно-политической жизни Дагестана // Мусульмане изменяющейся России. – М., 2002, с. 263). А известный политолог, профессор К.С. Гаджиев пишет о том, что в 1994 г. в Дагестане было «до 5000 мечетей» (К.С. Гаджиев. Геополитика Кавказа. – М., 2001. С. 258), что представляется завышенной цифрой.

исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы и другие автохтонные народы), христианство (его исповедуют русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне и др.) и иудаизм (его исповедуют таты, или «горские евреи», проживающие в Дербенте и Кайтаге, а также европейские евреи, составляющие в общей сложности около 20 тыс. человек). Таким образом, на территории Дагестана 1 млн 900 тыс. человек исповедуют ислам (около 87 % населения республики), около 165 тыс. человек – христианство (около 8 %) и около 20 тыс. человек – иудаизм (около 1%). К этому следует добавить, что в республике имеются представители духовных, молочан и других традиционных русских сектантских направлений.

Во-вторых, в Дагестане издавна имеются мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты. К первому направлению принадлежат все автохтонные народы республики. Ко второму направлению относятся дагестанские азербайджанцы и лезгины села Мискинжи в Догуспаринском районе (более 90 тыс. человек, или 4,5 %) [7].

В-третьих, в Махачкале функционирует самый большой мусульманский храм в Российской Федерации. К этому добавим, что ежемесячно в Дагестане открывается, как минимум, одна сельская мечеть и очень быстро растет число служителей мусульманского культа (около 4000 человек).

В-четвертых, особенностями религиозной жизни дагестанских мусульман являются: а) большое влияние Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) – официального органа управления всех мусульман – на общество и руководство республики; б) борьба внутри ДУМД за создание отдельных «самостоятельных» духовных управлений аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и т.д., т.е. по национальному признаку; в) рост влияния на общество «ваххабитов» и обострение их отношений с другими мусульманами.

В-пятых, огромное влияние на общество и руководство республики многочисленных джамаатов³, которые представляют собой четкие территориальные

организации религиозной, социальной и политической жизни дагестанцев. Каждый джамаат имеет собственный «кодекс» правил и норм поведения, нарушать которые никому не позволено. В постсоветское время, в силу многих объективных причин, возросло влияние джамаатов. Прав Э.Ф. Кисриев, который по этому поводу пишет: «Мы обычно представляем дело так, что в конкретном политическом процессе в Дагестане в качестве основных действующих лиц выступают отдельные политические партии и другие общественные объединения, а также национальные движения отдельных дагестанских народов. Однако действительными субъектами политической сцены у нас являются организации, которые не присутствуют официально в общественно-политическом дискурсе и, потому, как бы не существуют в реальности, а в действительности именно они обладают самой эффективной организованной силой. Это структуры, базирующиеся на джамаатской солидарности» [7, с. 264]. К этому следует добавить, что политическое руководство Дагестана учитывает позиции различных джамаатов, которые иногда вступают в конфликты между собой. Объединенные усилия джамаатов способны решать многие серьезные проблемы, в том числе и в политической жизни Дагестана.

В-шестых, большое влияние на все сферы жизни, включая политическую, оказывают различные суфийские идеи (тарика), получившие распространение в Дагестане. Необходимо подчеркнуть, что классический суфизм в Дагестане не достиг особых успехов [8]. Джамалутдин Казикумухский в своей работе «Адаб уль-Марзия» пишет, что в Дагестане известен один – накшбандийский – тарикат⁴, основателем этого братства суфиев являлся Баха ад-дин Мухаммад Накшбанд (араб. «резчик по металлу») родом из Бухары. Он стал распространяться в Дагестане в XII–XIX вв. Этот суфийский орден пропагандировал аскетизм, культ бедности, всепрощение и призывал «к священной войне» против неверных [8, с. 260]. Однако в Дагестане он получил оттенок воинствующего тариката и стал идеологией

³Джамааты – замкнутые территориальные общества, куда входят, как правило, представители одной или нескольких населенных пунктов. Джамааты имеют своеобразные кодексы правил и чести, нарушать которые никто не имеет право. Они представляют собой организации, характерные для общественно-политического развития многих коренных народов Северного Кавказа, в том числе и горцев Дагестана. Члены джамаата отличаются особой солидарностью в решении всех вопросов, в том числе в сфере общественно-политической жизни.

⁴Тарикатисты – мусульмане, отличающиеся отличной и хорошей подготовкой в идеологическом и организационном плане и объединенные в религиозные суфийские «братства» во главе со своими признанными и влиятельными шейхами. Распространение суфизма в Дагестане имеет несколько этапов (начиная с XIII–XIV вв.). Этот вопрос недостаточно исследован. Однако известно, что столкновение на Кавказе политических интересов России, Турции и Персии в конце XVIII – начале XIX в. сыграло заметную роль в восприятии мусульманскими народами Кавказа, в том числе дагестанцами, тарикатских идей (тарикатского мюридизма). В начале XIX в. в Дагестане и Чечне под флагом ислама усилилась борьба горцев против царизма. Мусульманские лидеры выступили против христиан-кяфиров с лозунгами исламской солидарности, которые получили распространение в мусульманских частях Кавказа, в том числе и в Дагестане. Национально-освободительная борьба горцев Дагестана приобрела и религиозную форму. Тарикатский мюридизм, получивший в XIX в. в Дагестане особый оттенок, требовал беспощадной борьбы против христиан-кяфиров на Кавказе.

движения мюридизма и его вождей Гази-муллы, Гамзат-бека и Шамиля. В начале XX в. в Дагестане и Чечне усилилась борьба горцев против царской России, в которой заметную роль сыграли идеи тарикатского мюридизма. Признанный специалист в этом вопросе, профессор Н.А. Смирнов писал: «Важнейшей особенностью кавказского тариката, придававшей ярко выраженный политический оттенок, было совмещение под его религиозным флагом высшего, с точки зрения ислама, познания пути человека к богу с проповедью газавата, или джихада, т.е. религиозной войны против неверных за торжество ислама. Если ранее бывшие направления тариката обычно выставляли на первый план идеи, касающиеся внутреннего мира человека, то кавказский тарикат главным своим требованием сделал газават» [9]. Таким образом, различные суфийские идеи (тарика), получившие распространение в Дагестане в прошлые века, имеют немалое влияние на народные массы и сегодня.

В республике в настоящее время зарегистрировано около 20 мюридских братств, отличающиеся организованностью, дисциплиной и преданностью мюридов (учеников) своему шейху. Добавим к этому, что суфийские братства в виде шейхизма и мюридизма объединяются вокруг авторитетных в исламских кругах имен – шейхов Али-Гаджи Акушинского, именем которого названа улица в Махачкале, Узун-Хаджи, Гасана Кахибского, Амая Кунта-Хаджи и других. У каждого «из этих братств имеется свой устав» [8, с. 261], согласно которому они проводят не только религиозную работу, но и пропаганду общественно-политических установок, задач и целей. Обращаю внимание и на то, что все они, как правило, моноэтнические. В то же время в рядах суфистов наблюдаются попытки внести коррективы в свои идеи, объединиться в рамках одной мусульманской идеологии.

В настоящее время крупными и признанными авторитетами тариката в Дагестане являются Саид Эфенди Чиркеевский, Тажутдин Хасавюртовский, Аюб Астраханский и другие. Эти тарикатистские шейхи имеют большое влияние на определенные слои населения не только в Дагестане, но и в Ставрополе, Астрахани, других городах и населенных пунктах Российской Федерации.

В-седьмых, сегодня в Дагестане создан и функционирует ряд мусульманских культурных, просветительских, учебных и политических организаций. Среди них 2 исламских университета, 3 исламских центра, 8 исламских институтов с 12 филиалами [7, с. 264]. При мечетях организовано 1000 школ или групп по обучению молодежи основам ислама. Действуют 35 медресе по подготовке имамов и мулл для мечетей [7, с. 265]. Кроме того, в республике функционируют 3 исламские политические партии, среди которых особой популярностью пользуется Исламская партия Дагестана. Следует подчеркнуть, что значительная часть исламских политических партий Дагестана вовлечена в орбиту тарика-

тистских организаций. Большую и активную работу проводит и Исламский комитет – международная исламская политическая организация. Комитет создан на Всемирном исламском конгрессе в Хартуме (Судан) в 1993 г. как идеологический центр мусульман всего мира, а в Российской Федерации он зарегистрирован в 1995 г. Он объединяет ученых, политических и общественных деятелей мусульманских государств. По мнению председателя Исламского комитета России, главная задача этой международной организации сводится к тому, «чтобы объединить усилия исламского мира и России против западного глобализма и нового мирового порядка, а также укреплению стратегического союза России и исламского мира для достижения этой цели» [10].

В республиках Северного Кавказа в 90-е годы активизировали свою деятельность различные исламские организации и центры, финансируемые из-за рубежа, большей частью Всемирной исламской лигой (ВИЛ), центр которой находится в Саудовской Аравии. Посольство Саудовской Аравии в Москве стало привлекать для работы в России различные саудовские фонды и организации [1, с. 258]. Так, в Москве и других наших городах стали функционировать филиалы фондов «Ибрагим Бен Ибрагим», «Ахмед Аль-Дагестани», «Общество Шамиля», «Организация исламской солидарности», медресе имени короля Фахда и другие. Главная цель активизации этих и других исламских организаций, по мнению известного российского политолога К.С. Гаджиева, состоит в том, «чтобы утвердить саудовское, а в более широком плане – исламское влияние на Кавказе. Для достижения этой цели использовался самый широкий спектр средств от широкомасштабного бесплатного распространения миллионов экземпляров Корана и другой религиозной литературы до строительства мечетей и разного рода культурных исламских центров» [1, с. 258]. Этот вывод представляется объективным, обоснованным и логичным.

В-восьмых, исторически сложилось так, что Дагестан испытывал влияние Чечни. У дагестанцев и чеченцев (особенно чеченцев-аккинцев, которые живут на территории Дагестана) много общего в традициях, обычаях, быту, они исповедуют одну религию – ислам. В Чечне в 90-е гг. создана партия «Исламский путь». Активные позиции в мятежной республике занимает общественно-политическое движение Конгресс «Исламская нация» (КИН). Во главе этого влиятельного движения стоит известный идеолог борьбы чеченского народа за независимость Мовлади Удугов. В апреле 1998 года по инициативе КИН в Грозном был создан Конгресс народов Дагестана и Чечни (Ичкерии). КИН провозгласил своей целью не только укрепление связей между Чечней и Дагестаном, но и объединение всех мусульман Кавказа, а затем всего мира. Задача этой организации состоит в том, чтобы освободить Северный Кавказ от влияния Москвы и создать здесь независимое исламское государство на принципах Корана и шариата.

С 1997 года в Грозном издается газета «Исламская нация» (печатный орган КИН), где пропагандируется идея независимого исламского государства на территории Северного Кавказа. К этому стремятся, кроме Конгресса «Исламская нация», Конгресса народов Дагестана и Чечни (Ичкерии), Союз политических сил «Исламский порядок», Организация исламского единства Кавказа и, конечно же, все те политические и военные силы Ичкерии, которые до сих пор борются за независимость. Именно последние создали в 1997 г. движение «Нохчийн исламан падчалгх» («Чеченское исламское государство»), которое твердо стоит на позициях строительства независимого исламского государства на принципах Корана и шариата.

В-девятых, негативное влияние «ваххабитов»⁵ на общественно-политическую обстановку не только в Дагестане, но и в других республиках Северного Кавказа, где за последние годы относительно новое для региона исламское направление перешло от умеренности к крайним проявлениям. Движение «ваххабитов» появилось в Дагестане в середине 80-х годов и в настоящее время представляет собой самостоятельную силу. С абсолютной точностью невозможно подсчитать число сторонников «ваххабизма» как в Дагестане, так и в целом на Северном Кавказе. Исследователь этой проблемы Э.Ф. Кисриев считает, что их в Дагестане «не более 2–3 % от числа дагестанцев, ориентирующихся на исламские ценности» [7, с. 265].

Первыми распространителями идей «ваххабизма» в Дагестане были организаторы Всесоюзной исламской партии возрождения (ИПВ). Сформированная в 1987 г. в Ташкенте, ИПВ образовала затем свои отделения во многих мусульманских республиках, в том числе и в Дагестане.

«Ваххабитское» учение (или направление) в исламе является официально признанным исповеданием в Саудовской Аравии, где оно возникло в середине XVIII в., благодаря своему основателю Мухаммаду ибн Абд аль-Ваххабу (1703–1787 гг.), ясно представлявшему психологию и нужды соотечественников. Это учение признано также в Кувейте, Катаре, Объединенных Эмиратах и т.д. Основатель учения говорил о том, что мусульмане за-

были настоящий, т.е. первоначальный ислам, и это ведет к падению нравов, традиций и обычаев арабов. Аль-Ваххаб убедительно доказывал, что «за падением нравов» неминуемо следуют экономический хаос, разрушение, межнациональные войны, общественно-политическая смута и другие беды. Сторонники «ваххабизма» проводили и проводят огромную религиозно-пропагандистскую работу во всех странах, где проживают мусульмане. Часть паломников из Российской Федерации, которые ежегодно приезжают в Мекку, также становятся приверженцами «ваххабизма» и у себя на родине, в том числе на Северном Кавказе, распространяют идеи этого движения. «Ваххабиты» считают единобожие (таухид) главным смыслом ислама. Основной смысл движения «ваххабизма» сводится к тому, чтобы вернуть всех мусульман к первоначальному исламу. А он, в понимании «ваххабитов», сводится к тому, что Аллах – единственный творец мира, законы которого обязательно должны исполняться. Сторонники учения «ваххабизма» не признают никого, кроме Аллаха, кто был бы достоин поклонения и возвеличивания. «Новшества», введенные на протяжении веков в исламе, считаются «ваххабитами» отклонениями от правоверия. Отход мусульман от первоначального ислама, по мнению сторонников радикального исламского течения на Северном Кавказе, способствует тому, что они предались «самому страшному из грехов» [8, с. 246]. *Обращаю внимание на новшества, которые, по мнению «ваххабитов», недопустимы в исламе: 1) мольба, просьба о помощи у мертвых делая человека неверным; 2) греховное запретное нововведение (изыскание посредничества мертвых для приближения к Аллаху, намаз, обращенный к могилам, обет могилами, строительство куполов или мавзолеев на могилах).* Правило, которому «ваххабиты» следуют, гласит: «Только тот, кто познал, в сердце которого утвердился искренняя любовь к Господу и повиновение Ему, обретает подлинное счастье в этом мире и райское наслаждение в жизни будущей. Он поклоняется только Аллаху и не нуждается в других покровителях, он достигает гармонии души и разума, так как душа человека неизбежно стремится к поклонению Единому, Аллаху. Аллах испытывает приверженцев таухида (единобожия. – В.Дз.)

⁵Термин «ваххабизм» («ваххабиты») в данной статье встречается лишь в силу сложившейся в российской историографии традиции. Дело в том, что сами приверженцы этого направления ислама, т.е. чистого ислама, где центральное место занимает безоговорочный возврат к священным истокам Корана и сунны, к строгому соблюдению всех догматических предписаний и культовых действий чистого, т.е. первоначального ислама и четырех праведных халифов, так себя не называют и, более того, считают такое обращение к себе если не оскорбительным, то уж точно неприемлемым. Основателем этого религиозно-политического движения был Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1787), последователь идей ортодоксального мазхаба Ибн-Ханбала и исламского ортодокса-правоведа Ибн-Таймийи (1263–1328), выступавших против введения в ислам новшеств (бид'а), не согласованных с решением авторитетных богословов (иджмы). Однако термин «ваххабиты» в Российской Федерации вошел в научную и общественно-политическую литературу, и автор руководствовался этим при выборе терминологии. Термин «ваххабизм» специально берется в кавычки, т.к. автор считает неправомерным отождествлять радикальное течение в исламе с учением Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. «Ваххабиты» называют себя «муваххидун», т.е. «единобожники».

трудностями в начале их пути, но это только добавляет им сил и уверенности» [8, с. 246]. Это своеобразная аксиома в учении «ваххабизма», сторонники которого целенаправленно выступают против признания культа святых, не признают паломничество к мавзолеям мусульманских святых, жертвоприношения, просьбы о помощи и т.д. Учение «ваххабизма» признает святых, но запрещает поклоняться им, так как поклоняться мусульмане должны только Аллаху и никому больше. «Ваххабиты» и против того, чтобы строить на могилах святых мечети, мавзолеи и превращать эти места в культовые. В понимании «ваххабитов» это «ширк», т.е. элемент язычества, что первоначально ислам осуждает. «Ваххабиты» не признают магию, колдовство, заклинателей, предсказателей, считая их атрибутом языческих верований.

В 90-е годы в отечественных средствах массовой информации, а также в научно-популярной литературе тема «ваххабизма» разрабатывалась и подавалась неосведомленному читателю исключительно с негативных позиций. Негативный образ «ваххабита» в сознании многих россиян утвердился после того, как сторонники этого учения перешли от умеренности к крайним проявлениям, следствием чего стал вооруженный конфликт между «ваххабитами» и властями Дагестана с вовлечением в него соседней Чечни. По своей масштабности, опасности и последствиям этот конфликт выходил за рамки республиканского и представлял серьезную угрозу территориальной целостности Российской Федерации. Для разрешения вооруженного конфликта были привлечены части Вооруженных сил РФ, а также дагестанские ополченцы, выступившие с оружием в руках против «ваххабитов». В ходе боевых действий были убиты и ранены с обеих сторон, многие дагестанские села были разрушены, а тысячи мирных жителей пострадали. Дагестанское общество усилиями «ваххабитов» оказалось расколотым и понесло огромные материальные и моральные потери. Проблема, однако, состоит в том, что и после «победы» над «ваххабитами» сохраняются основные противоречия между сторонниками традиционного ислама и их противниками. А это означает большую вероятность возрождения «ваххабизма» не только в Дагестане, но в целом и на Северном Кавказе.

В сентябре 1999 г. Народным Собранием Республики Дагестан был принят республиканский Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Дагестана», который сыграл, на мой взгляд, определенную позитивную роль в борьбе против агрессивного, воинствующего «ваххабизма». Следует подчеркнуть, что до сих пор нет четкого определения «ваххабизма» в Дагестане. При этом обращаю внимание на то, что «ваххабизм» в Дагестане, как в целом и на Северном Кавказе, нельзя рассматривать как однородное явление. Представители этого направления ислама в одних случаях делают ставку на джихад против своих противников. В других случаях они умело применяют дипломатические приемы, добиваясь сво-

ей цели. Для распространения своих идей они активно занимаются миссионерской деятельностью. Имея хорошие финансовые возможности, они активно создают опорные пункты пропаганды, издают газеты, строят бесплатные исламские учебные заведения, издают исламскую литературу, которую затем бесплатно распространяют среди мусульман региона, где больше половины населения живет за чертой бедности.

В республиках Северного Кавказа, включая и Дагестан, в постсоветское время получили широкое распространение серьезные и опасные негативные явления, против которых решительно борются «ваххабиты». К ним относятся наркомания, пьянство, алчность многих руководителей, которые разбогатели в результате «прихватизации», коррупция во всех эшелонах власти, проституция, явное нарушение социальной гармонии, массовая безработица и т.д.

Анализ экономики республик Северного Кавказа свидетельствует о резком спаде производства. Десятки заводов и фабрик, которые более или менее успешно функционировали до 1991 года, перестали работать. Растет и уровень безработицы. Так, например, объем производства в Карачаево-Черкесии в 2000 г. по сравнению с 1990 г. сократился в 6 раз (по РФ в среднем в 2 раза), в сельском хозяйстве производство упало в 7 раз. Федеральные дотации республике за этот период возросли с 30 % до 85 %. Уровень безработицы (с учетом скрытой) составляет около 85 % от работоспособного населения. Более 65 % населения оказалось за чертой бедности [11].

Экономика республик Северного Кавказа находится в тяжелом состоянии. Отход от планового, централизованного управления экономикой привел к упадку производственных структур республик региона почти к упадку. Это негативно сказалось на хозяйственной деятельности северокавказского экономического региона, глубоко интегрированного в народно-хозяйственный комплекс страны и в большой степени зависящего от взаимобмена с другими регионами Российской Федерации.

Все отрасли производства Северного Кавказа находятся в крайне тяжелом состоянии. Возьмем, к примеру, нефтегазовую отрасль. Основные разведанные запасы нефти сосредоточены в Ставропольском крае (34 %), бывшей Чечено-Ингушетии (33 %), Краснодарском крае (27 %), Дагестане (5 %) и Кабардино-Балкарии (1 %), но в настоящее время здесь добывается всего лишь 1,8 % общероссийского объема нефти и 0,8 % природного газа, так как большинство месторождений находится на заключительном этапе разработки, добыча нефти и газа сокращается, скважины региона исчерпаны в целом на 60 % [12]. Другими словами, Северный Кавказ почти утратил свое значение в качестве топливно-энергетической базы страны.

На фоне массового обнищания значительной части населения республик Северного Кавказа, коррупции во всех эшелонах власти, наркомании, пьянства, проституции, других негативных явлений, учение «ваххабизма» нашло немало своих приверженцев не только в

Дагестане, но и в других республиках региона. *Таким образом, пропаганда идей ваххабизма через собственные средства массовой информации, различные сети информационных центров является, на мой взгляд, наряду с работой с паломниками, надежным средством укрепления в сознании мусульман Северного Кавказа идей первоначального, или чистого, ислама.*

Большое распространение «ваххабизм» получил в Кизилюртовском, Хасавюртовском, Буйнакском, Казбековском и других районах Дагестана. Сторонники этого учения ислама строят в Дагестане и некоторых других республиках Северного Кавказа мечети, издают газеты, книги, где пропагандируют свои идеи. Тем не менее, большинство мусульман региона, исповедующих традиционный ислам (в основном суннитского направления), в том числе и в Дагестане, отвергают притязания «ваххабитов». Сторонники этого учения готовы бороться «до победного конца» за свои идеи и цели. Сегодня «ваххабизм» является на Северном Кавказе идеологией воинствующего ислама, беспощадной борьбы даже против единоверцев. Для решения существующих разногласий в исламе нужна не идеология кровавой войны, а поиски разумных компромиссов, общего согласия без применения насилия во имя ислама, в интересах всех народов не только Северного Кавказа, но и всей Российской Федерации.

Многие проблемы, рассмотренные нами в данной статье на примере Дагестана, в той или иной степени имеют отношение и к другим республикам региона. Так, например, «ваххабизм» имеет свои корни почти во всех республиках Северного Кавказа, кроме Северной Осетии. В Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, как и в Дагестане, мирно уживаются три мировые религии: ислам, который исповедуют в КБР кабардинцы, балкарцы и некоторые другие народы; христианство, которое исповедуют русские, грузины, армяне, осетины и другие

народы: иудаизм, который исповедуют таты, или «горские евреи», а также европейские евреи.

В Северной Осетии ислам исповедуют часть осетин, ингуши, азербайджанцы, татары и другие народы; христианство – осетины, русские, грузины, украинцы и некоторые другие народы; иудаизм – таты и европейские евреи.

Таким образом, наметившееся у многих народов региона возрождение интереса к религии следует, на мой взгляд, рассматривать как серьезный фактор политической стратегии Российской Федерации. Влияние религии, и особенно ислама, на политическую жизнь народов Северного Кавказа нельзя недооценивать. В то же время не следует впадать в другую крайность и постоянно пугать население «исламским экстремизмом», «нашествием исламистов», «мусульманским мракобесием» и т.д. Самая большая опасность коренится не в исламе, а в том, что он иногда неверно трактуется. Некоторые религиозные деятели, политики, экстремистские организации, преследуя неблагоприятные цели, используют ислам для разжигания межнациональных страстей, дестабилизации общественно-политической обстановки. Именно в этом состоит большая опасность.

Обращаю внимание на то, что исламофобия, как и любая другая фобия, может завести нас в общественно-политический тупик, откуда тяжело будет выкарабкиваться. Мы должны понять, что современную Российскую Федерацию нельзя представить без мусульманских республик Северного Кавказа и, стало быть, без мусульманской цивилизации. Задача политиков, религиозных деятелей, государственных чиновников всех уровней, политического руководства страны состоит, на мой взгляд, в том, чтобы сохранить и укрепить Российскую Федерацию, сила которой будет умножаться благодаря различным цивилизациям, народам и религиям.

Литература

1. **Гаджиев К.С.** *Геополитика Кавказа.* – М., 2001. С. 255.
2. **Баксан Д.** *След Сатаны на тайных тропах истории.* – Грозный. 1998. С. 5.
3. **Нухаев Х.-А.** *Чеченцы скорее изменят мир, чем изменят традициям.* – М., 2002. С. 98.
4. **Токарев М.** *Они готовили переворот // Время – МН.* 2002, 3 августа.
5. **Модестов С.А.** *Геополитика ислама.* – М., 2003. С. 131.
6. **Обзоры Дагестанской области за 1902, 1905, 1911 и 1913 гг.** *Темир-Хан-Шура, 1903, 1907, 1912, 1915 (табл. 19, 20, 21).*
7. **Кисриев Э.Ф.** *Ислам в общественно-политической жизни Дагестана // Мусульмане изменяющейся России.* – М., 2002. С. 261.
8. **Вагабов М.В., Вагабов Н.М.** *Ислам: история и современность.* – Махачкала, 2002. С. 260.
9. **Смирнов Н.А.** *Юридикализм на Кавказе.* – М., 1963. С. 142.
10. **Могилевкин И.М.** *Мегастратегия. Проблемы пространства и времени в политике России.* – М., 1997. С. 5.
11. **Пути мира на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад.** – М., 1999. С. 16, 23, 26; *Новая народная газета (г. Черкесск), 1999, № 1, 1999, 11–17 августа.*
12. **Рубан Л.С.** *Геополитическая ситуация на Кавказе // Полемика: Интернет-журнал программ обмена для ученых-исследователей и актуальные вопросы современности.* 2001, № 8. old. irex.ru / publications/polemika/8/index.htm.